

Олег Северюхин
Кольцо приключений

Книга 4. Кольцо 2050 года

Олег Северюхин

**Кольцо приключений.
Книга 4. Кольцо 2050 года**

«Издательские решения»

Северюхин О. В.

Кольцо приключений. Книга 4. Кольцо 2050 года /
О. В. Северюхин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-741483-2

Владимир решил посмотреть, как живут люди в будущем, переместился в 2050 год, где был ограблен и оказался без документов, денег и кольца на руке. Владимира спас и приютил рабочий Василич. От него Владимир узнал, что все жители делятся на городских и на дикарей, что недавно прошла война между США и Россией за богатства Арктики. Чтобы избежать Всемирного потопы, стали строить огромные города-башни, в которых укрылась основная часть населения, а оставшиеся вне их пределов стали дикарями.

ISBN 978-5-44-741483-2

© Северюхин О. В.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	16
Глава 6	19
Глава 7	22
Глава 8	24
Глава 9	27
Глава 10	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Кольцо приключений

Книга 4. Кольцо 2050 года

Олег Васильевич Северюхин

© Олег Васильевич Северюхин, 2017

© Олег Васильевич Северюхин, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4474-1483-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Северюхин Олег

Глава 1

Хотя было очень любопытно, но я не стал надолго задерживаться в параллельном мире в поправленной России. Если мы уже в 1961 году высадились на Луну, то дела шли не так уж и плохо. Просто я долго был в начале двадцатого века и соскучился по своему времени. Как ни говорите, а человека всегда тянет домой и именно в то время, в которое он жил. Разве кто-то может заменить друзей детства и юности, город первой любви и аллею первого поцелуя.

Чувство родины в человеке неистребимо. Пусть он живет где-то за тридевять земель в тридесятом царстве-государстве, спит на шелках, ест на золоте, а все равно ему снятся «домашние сны» и он гоняет футбол с мальчишками в своем дворе.

*Подарит монетка случайное счастье
И радости нашей забрызжет фонтан,
А, может, на улице просто ненастье
И капельки грязи прилипли к ногам.*

*А, может, монетка имеет две решки,
И выбора в жизни твоей уже нет,
И годы твои, как в пакете орешки,
Осталось с десяток непрожитых лет.*

Мы всегда уходим из дома, чтобы снова вернуться в него. Но как только возвращаемся домой, так сразу начинаем планировать новое путешествие. Ген Афанасия Никитина живет в каждом из нас. Почему всех так тянет посмотреть на тущобы Египта и быть облапошенным на турецких курортах? Неужели у нас дома нет таких мест, как те, куда гуськом тянутся наши соотечественники, финансируя строительство за рубежом и оставляя в разрушенном состоянии дворцы на родине?

Трудно понять этих людей. И я совершенно не понимаю их, когда они, несмотря на предупреждения, оказываются обманутыми и вдруг начинают высказывать претензии своему государству, типа, а почему вы нас отпустили за границу? Не отпустили бы, нас бы и не обули.

Это свойственно только русским. Говорят, в одном месте на мосту установили табличку на русском языке: «Русским с этого моста прыгать запрещено» и толпы людей собираются у этого места посмотреть, как с моста прыгают русские.

Я тоже отношусь к этой категории людей. И, вероятно, я чем-то отмечен, потому что кольцо Нефертити досталось именно мне, а не кому-то другому. Вряд ли кто-то занялся бы описанием своих походов в прошлом и будущем. Положа руку на сердце, я не совершал никаких противоправных действий и мне не в чем себя укорить и что-то скрывать от читателя. Я человек осторожный и не лезу, куда не надо.

А сейчас представьте себе, если бы такие кольца продавались по цене автомобиля «Бентли». Сколько распалцованных людей корчились бы на кострах инквизиции, варились в котлах троглодитов, висели на зубцах средневековых замков и мчались в атаку под мат взводного, который бежал сзади и тыкал стволом нагана в толстую задницу человека, посмеявшегося нелестно отозваться о личности товарища Сталина, великого вождя и учителя всех народов?

Тут уж не выразишь претензий своему государству за то, что допустило его в то время, где он послал в пешеходную прогулку с эротическим уклоном главного инквизитора. Это

похуже, чем быть настоящим колдуном или вступить в связь с ведьмой. Или за то, что славному рыцарю Ланселоту сказал:

– Эй, мужик, за сколько продашь болт с пальца?

А «болт» это фамильный перстень, передаваемый от отца своему наследнику. На «Бентли» может ездить всякий, даже обезьяну можно научить управлять этой машиной, а вот научиться быть своим в любом обществе обезьяну не научишь, как не научишь и солидную в процентном отношении цифру моих соотечественников.

Бывших соотечественников прошу не злорадствовать – вы недалеко ушли от русских. Еще в седьмом поколении вы будете думать как русские и втайне сожалеть о том, что раньше вас всех называли русскими за границей, а сейчас интересуются, где находится ваша страна и к какой национально-этнической группе вы относитесь.

Если говорить честно, то абсолютно подавляющее число жителей наших государств прекрасно бы сосуществовали вместе, взаимно обогащали и дополняли друг друга, знали по нескольку языков и совершенно не чувствовали себя чужими на любом празднике, если бы не политики.

Всякие -ины, -еры, -евы, -нко, -ии, -исы, -усы, -ску, -или, -абе, -уту, -уны, -сы, -ги, -швили, -зе, -ия, -ани и другие, кто натравливали и натравливают сейчас народы друг на друга, достойны того, чтобы их поселили на необитаемом острове, где можно выжить только сообща. Представьте себе, какое у них получится сообщество, и на каком языке они все будут говорить?

Это задача для каждого. Я знаю, на каком языке они будут говорить. На великом российском, который объединял их и защищал от напастей. А вы, уважаемые читатели, попробуйте догадаться и сообщить мне ваши ответы, а я их без купюр опубликую прямо на этой странице, в главе номер один, чтобы люди могли сказать, прав или не прав автор.

Я сделал маленькие заметки о своем путешествии в годы 1905—1906 от Рождества Христова и представил их на суд читателей. Честно говоря, не во всем я прав. Может, мне нужно было быть несколько агрессивнее и напористее, чтобы Распутин был один, и только он был властителем дум всех власть предержащих в России. То есть, более активно пропихать себя, купить прессу, шептальщиков и разных бабок-ведуний, дам полусвета и представителей организованной преступности, желавшей влиться в дворянское и сановное сословие России. То есть, стать нормальным политиком, как это было, есть и будет в России, а не выдумывать что-то свое, соблюдать всякие политесы и ниспровергать устоявшиеся стандарты политической борьбы: не уничтожишь ты – уничтожат тебя.

Кто его знает? Может быть, в течение какого-то времени слова честь и честность будут превалирующими в политике во славу России. Мечты, они как алые паруса, имеют право на существование, только вот для реализации их нужны капитаны Греи и немалые деньги при них. Честь и честность не могут существовать без бесчестия и нечестности. Так же и зеркало не будет зеркалом, если в нем не будет отражаться перевернутая действительность.

И как тут разобраться, не знает никто. Никакие психологи не могут дать определенного рецепта. Один известный политик, когда почувствовал, что проигрывает выборы, бросил лозунг – «Голосуй сердцем» – и выиграл выборы, потому что люди были против него, но в душе понимали, что его соперник может повернуть историю вспять, начать строить памятники Ленину и Сталину и заменять ими лики святых в церквях.

Интересно, что же все-таки изменится в России лет эдак через сорок с небольшим? Допустим, в году 2050-м. Мне тогда будет ровно сто лет, и я до этого не доживу, но заглянуть вперед я смогу. Пусть в параллельный мир, но все-таки в наш мир, и там я буду таким, каким я есть сегодня, а не столетним мужчиной. Вот чуть-чуть отдохну от переживаний прошлого и мотану вперед.

Кто со мной? Одного человека можно взять, но не возьму. Тайну кольца я могу раскрыть только своему наследнику и то, если буду уверен в том, что он не из тех современных молодых людей, которым сейчас все не по плечу, а все по хрену. Лучше я утоплю кольцо в море-океане, но не дам его такому «наследнику», который такого может наворочать, что лопат не хватит это разгрести.

Глава 2

Как и к путешествию в прошлое, так и к путешествию в будущее нужно серьезно готовиться. Вряд ли все предугадаешь, но хотя бы не будешь выглядеть представителем каменного века в будущем.

Сию в размышлении, давать или не давать характеристику нашего времени – начала двадцать первого века? Только из уважения к читателю не буду расписывать, что представляет наше время, чтобы читатель не обиделся и не сказал:

– Ты, че, в натуре, думаешь, что мы не знаем, что слова составляются из букв, а капусту считают при помощи цифр, которые придумали арабы, чтобы подводить дебит с кредитом, которые оставляют у них русские туристы? Это раньше было – руссо туристо, облик морале. Сейчас руссо туристо – облик без морали...

Зато нас стали узнавать во всем мире. Есть даже огромный перечень примет, по которым узнают, что перед вами стоит русский человек. Причем примета о прищуривании правого глаза при питии кофе находится где-то на восемьдесят пятом месте.

Другой читатель сказал:

– Нет уж, извините, русский читатель это самый высокообразованный читатель. Мы как были самой читающей страной в мире, так ею и остаемся, и читать нам прописные истины не надо.

Зато третий читатель, одетый как джентльмен и художник-авангардист одновременно, скромный и застенчивый произнес:

– А я не знаю, знаю я это или не знаю...

И что-то повеяло таким знакомым, и даже кажется, что я это где-то уже слышал, причем в самом моем детстве, когда все мы мечтали посетить Солнечный город и переговорить с мастером Самоделкиным по поводу технических проблем, которые у нас возникали. Во всяком случае, он из наших, поэтому я буду ориентироваться на него.

Так вот, в век двадцать первый мы пришли не с пустыми руками. Мы в него принесли авиацию и космонавтику, генетику, телевидение, ядерную энергию, компьютеры и Интернет. Мы, то есть русские, тоже внесли посильную лепту в этот список, отставая от тех «мы» на достаточное расстояние.

То, до чего не могли додуматься не одну тысячу лет, придумали за каких-то сто лет. Представьте, какие изменения могут произойти за первые пятьдесят лет нового века. Я даже не берусь прогнозировать. Лучше посмотреть. Кто знает, может, там уже найден секрет бессмертия и люди перестали волноваться от того, что им не удастся увидеть что-то новое. И вообще, наши потомки живут раз в сто лучше, чем мы.

С течением времени все улучшается. Это не Мерфи. Это я. Хотя, если исходить из того, что лучшее – враг хорошего, то живут они не ахти как. Опять же, лучше это не лучшее, то жизнь у них все-таки более насыщена, чем у нас. Одно скажу, что машину времени они не сделали. Не они и не их потомки, и не потомки их потомков, а то понаехали бы к нам, и толкотня была от этих приезжих из будущего.

И потом, неизвестно, какой они нации будут. Перемешаются все. Будут евроларибеками или рублесомочанами. Или еще кем-нибудь, о чем генетика наша даже и не догадывалась. Догадки такие уже были. Во время последней переписи населения в компьютер вводят данные: мать чувашка, отец удмурт, сын русский. Компьютер кричит – такого быть не может. Ему кнопкой «esc», типа «цыц» – у нас все бывает.

А вдруг они себе солнце новое зажгли как источник неиссякаемой энергии? И вот это новое солнце, как объект искусственный, будет выдавать свет точно по спектру: красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синий, фиолетовый (каждый охотник желает знать,

где сидит фазан). Вот попробуйте позагорать под зеленым цветом. А что? Синие и зеленые волосы носят? Носят. И загар синий или зеленый тоже в моде будет.

Любое дело нужно начинать с понедельника. Кто и когда что-то начинал в воскресный вечер? Никто, а вот в понедельник с утра тоже мало кто и чего начинал, но все давали торжественные обещания начать именно в понедельник. Так и я решил прямо рано утром в понедельник отправиться в очередное путешествие.

Я человек легкий на подъем. Встал, позавтракал. Надел джинсы, кроссовки, футболку и пошел. Никуда уезжать не стал и никакое золото по карманам рассовывать тоже не стал. Может, там уже давно денег нет, а золотом покрывают контакты у техники и унитаза, как при коммунизме. Прикинул примерно, до каких пределов разрастется город и вышел на пустырь. Сейчас год 2008-й. Повернул кольцо примерно лет на сорок.

Переход в другое время как мгновенное затмение. Я всегда старался отметить этот переход, но никак не получается. Я был в полутемном помещении. Вдалеке виднелся тусклый свет и что-то шуршало.

Я немного постоял, чтобы глаза привыкли, и начал различать, что стою на цементном полу и из него через трещины сочится вода. Какое-то десятое чувство подсказывало, что я не на поверхности земли, а глубоко в ней.

Я пошел на свет. Шагов через сорок я вышел в темную комнату, по которой плыли светящиеся ящики. Пожалуй, они не плыли, а ехали по транспортной ленте из света. Я заметил, что в стене, откуда ящики выезжают, есть источник света. И такой же источник света на противоположной стене. Я потрогалдвигающиеся ящики. Чувствуется, что это материальное тело, пластмасса, но непонятно, на чем оно держится в воздухе. Похоже, что вот на этих световых лучах. Я подошел к одному из источников света и перекрыл его рукой. Ящики сразу стали падать на пол и из них стали вываливаться какие-то пакеты. Я поднял один пакет, постарался его открыть, как услышал за спиной свист. Обыкновенный свист, каким мы обращаем на себя внимание других людей. Я повернулся и получил сильный удар в лицо.

Очнулся я в развалинах. Бетонные стены, перекрытия, лестничные пролеты, все это старое и давно неиспользуемое. Свет то ли настоящий, то ли искусственный, но теней от балок и конструкций не видно. Попал, однако. Карманы вывернуты. Пропал паспорт. В голове шумит, и на руке нет моего заветного кольца. Исчезли и часы. Экскурсия, твою медь.

Глава 3

Я сидел в развалинах и даже не представлял, куда мне нужно двигаться. Тело болело и совершенно не хотелось карабкаться на верхотуру, чтобы определить, куда мне нужно идти. Незаметно я уснул. Мне снились чудовища, они тянули ко мне руки и мычали. Я не понимал, что это такое и где я нахожусь. Пробуждение было тяжелым, и голова соображала туго. Как с похмелья.

Я встал, сделал несколько физических упражнений, чтобы кровь активнее двинулась по сосудам и вынесла из меня всю гадость, которая неизвестно как попала в меня.

Я поднялся наверх, но достиг лишь потолка, и нигде не было видно выхода на крышу. Я находился в высоком здании, но не слышал шума улицы или других звуков, по которым можно ориентироваться. Я спустился вниз и поднялся по другому лестничному пролету наверх. Вот здесь я увидел люк наверх и железную лесенку, приставленную к нему. Я вылез на крышу, но это была не крыша, а пол другого здания. Я чувствовал дуновение ветерка, но не видел неба, хотя сверху лился свет, наподобие дневного.

Получалось, что единственным ориентиром для меня являлся ветерок. И я пошел на него. Шел я минут двадцать, внимательно глядя себе под ноги, потому что можно было легко упасть в такой же люк, по которому я вылез, если он вдруг попадется на моем пути. По мере движения ветерок усиливался и слышался шум, а затем появился огромный четырехлопастный вентилятор, нагнетавший воздух. Лопасти были огромные, не менее двух метров длиной. И за вентилятором был какой-то шум.

Вокруг не было никакого большого камня или куска арматуры, чтобы остановить вентилятор. Да и каким куском железа можно его остановить? Любую железяку вырвет из рук. Можно еще и руки поранить. Оградительной решетки не было и можно проскочить сквозь вентилятор, так как лопасти вращались не очень быстро. Если броситься прямо на подходящую лопасть, то успеешь пройти через устройство до подхода следующей лопасти. Но что там за вентилятором? Пропась, яма или еще что-нибудь. Но не сидеть же вечно на этом потолке. Будь что будет. Я подошел вплотную и бросился прямо на лопасть, оказавшуюся передо мной. За вентилятором ничего не было, и я полетел вниз.

Вероятно, Бог все-таки есть. Я пролетел метра три и упал на решетку, которой вентилятор закрывался. Когда я проскочил сквозь лопасти, решетка была опущена и удерживалась тросиком в горизонтальном положении.

Когда на решетку плюхнулось примерно восемьдесят килограмм живого веса, тросик оборвался, потому что был рассчитан на вес решетки полусот двадцать-тридцать килограммов. Решетка повисла параллельно стене, и я еле успел уцепиться за прутья. До ближайшей горизонтальной поверхности метров пятнадцать. Упадешь – костей не соберешь. Сколько я провишу, неизвестно, но вдруг снизу раздался голос:

– А ну, не двигайся. Бродите тут, только аппаратуру ломаете, торчки чертовы.

Около меня вдруг очутилась механическая рука с корзиной, в которой стоял усатый мужик в защитной строительной каске.

– Залазь сюда, – сказал он. – Эка как тебя крючит. Чего вам, молодым, не живется? Все для вас, а вы наркотой пробавляетесь. Родители цифирки не успевают для вас зарабатывать, так вы все вещи из дома вынесете и баронам за пакетики спускаете. Ты-то, немолодой уже, сам пример должен подавать, а какой ты пример подаешь? А никакого. Смотришь на тебя и думаешь, вот и дети мои в таких же вот как ты и превратятся. Зачем только мы живем, да и их еще народили?

– Слушай, мужик, – сказал я, – помоги мне. Не торчок я. Нездешний, чем-то по голове стукнули, обокрали, а когда очнулся, как после попойки, хотя капли в рот не брал.

– Куда-то ты не туда попал, раз тебя не пришибли, а дозу в тебя ширнули, – сказал мужик. – Ладно, пойдем ко мне, я один, понимаешь ли, живу.

Так я познакомился с Василичем.

«Механическая рука» в нашем понимании это слова – это механический подъемник, установленный на автомобиле средней грузоподъемности. При помощи этого механизма меняют лампы уличного освещения, ремонтируют линии электропередач и производят покраску первых трех этажей здания. Машина удобная, слов нет, но эта «механическая рука» выглядывала из-за угла. Механизм телескопический, собирался в одну большую трубу, изгибаясь по воле Василича, который управлял ею с помощью кнопочного переключателя, манипулируя им как в компьютерной игре. Увидев мой удивленный взгляд, новый знакомец ничего не сказал и хмыкнул.

– Ты никак из дикарей? – спросил Василич.

Я пожал плечами, а Василич не стал лезть с вопросами.

Рука собралась к своему основанию, прилепленному к стене. Мы вышли из корзины, ограждения ее сложились в углубление в основании, которое закрылось крышкой. М-да, техника, конечно, не чета нашей. И Василич, похоже, не из инженерно-технического состава.

– Пошли, мил человек, время обеденное, соловья баснями не кормят, а после обеда и вздремнуть можно минуток так по шестьдесят на оба глаза, – ворковал мой благодетель. Вероятно, устал от одиночества или натура у него такая, говорливая.

Василич нажал на кнопку, платформа спустилась на дорогу и поплыла в сторону от нас.

– Куда этот она? – спросил я.

– Как куда, в подсобку, – деловито сказал Василич, степенно шагая по дороге

– А..., – начал было я, но Василич перебил меня и сказал:

– У вас, дикарей, всегда в понятиках было, что мы в городе катаемся на самодвижущихся тротуарах, и все у нас делается по волшебству, – засмеялся водитель механической руки. Вдруг он остановился и приложил к стене руку. Дверь съехала в сторону, и мы вошли. Нигде не было даже признаков присутствия людей. Неужели все вот также живут в серых бетонных ящиках с дверями, которых даже и не видно?

Глава 4

– Что, братан, первый раз видишь, как городские живут, – мужик сочувственно похлопал меня по спине рукой, – редко кто из вас городским хочет стать, ну, ты не бойсь, чего-нибудь придумаем.

Попал я в переплет. Рот раскрой и сразу скажут, а откуда ты такой выискался? Еще укут в учреждение для умственно отсталых, а оттуда трудно будет выбраться. Наших шизиков антидепрессантами глушат и препаратами, которые их в ступор вводят. Рефлекс им вырабатывают, что так делать нельзя, иначе снова препарат вколют. Вряд ли сейчас какие-то препараты колют, воткнув в башку штырь и начнут стимулировать участок мозга, удовольствия, например, так и закончишь дни в психушке в состоянии экстаза, оргазма или восторга от победы над злым противником, прилетевшим из космоса.

В нашем веке увеличилось количество людей, внезапно потерявших память и ушедших из дома в неизвестном направлении. Их объявляют в розыск, фотографии везде рассылают, всех, не помнящих родства, с фотографиями сравнивают, и найти не могут. Вот и я ничего не помню. Стукнули по голове и все забыл. Как дите малое. Придется учиться с азав, потому что дорога домой мне заказана. Будем учиться.

– Слушай, Василич, – сказал я как можно попроще, – самое смешное, что я ничего не помню и ничего не знаю. Кто я, где я, как живут люди, что они делают. Ты же тоже был маленьким и ничего не знал, так что бери меня к себе в ученики и расскажи, как живут люди, учи меня, иначе я один погибну.

– Мне тоже показалось, что ты немного того, – засмеялся Василич, покрутив пальцем у виска. – Я тоже один раз напился напитка, который дикари делают, так дня три в лежку лежал, всю память отшибло. Слышал где-то, на собрании одном еще в старые времена человек каялся в том, что пил такую же гадость: пил – признаю, что делал – не помню, а вам всем – не верю. Ха-ха-ха! Давай-ка сначала поедим чего-нибудь. У меня есть мясо и картофельное пюре. Будешь?

Я согласно кивнул головой.

Василич подошел к аппарату, типа нашей микроволновки, только с несколькими контейнерами сверху. Понажимал на кнопки, включил машину, загорелась красная лампочка, через минуту загорелась зеленая лампочка. Открыл дверцу и достал белую тарелку, разделенную перегородками на три сектора. Нажал на одну кнопку, на вторую, на третью и принес тарелку мне. Потом наполнил свою тарелку. Дал белую пластмассовую ложку. Себе взял такую же. В тарелке было что-то светлое полужидкое, коричневое полужидкое и светло-коричневое жидкое.

– Ешь, давай, чего уставился, не ел что ли никогда, – сказал Василич, – ах, да. Пища, конечно, синтетическая, но с полным вкусом картофельного пюре, мясного жаркого и мясной же подливы. Вот, в эти колбы добавляю концентрат, воду, включаю и набираю, какое блюдо мне нужно, а машина сама все смешивает по заказу и выдает. Правда, количество блюд ограничено, но есть можно. Продукт натуралес, для здоровья польза, ничего в виде шлаков и холестерина не задерживается, сосуды чистые, метеоризма, это по-научному, а по-нашенски, так это пердежа не бывает, камни в почках не образуются и аппендицит сам по себе живет и не мешает. Вот так. У богатых аппараты посложнее, всякие там антрекоты делает, компоты, кисели и прочую лабуду. А все равно все жрем одинаково. Ешь, давай.

Вкус был мясной и картофельный, подливка тоже вроде бы ничего. Картофель чем-то напоминал сушеный продукт. Ел кто-нибудь сушеную картошку? Мне пришлось в свое время в Средней Азии. Своя картошка там не растет, привозная быстро кончается, переходят

на сухую в жестяных банках. Первый раз – оригинальный вкус, а на второй и последующие разы гадость порядочная. И эта картошка тоже не того. Ем, чтобы хозяина не обидеть.

– Василич, – попросил я, – Расскажи, как у вас тут устроено, где все люди, разбежались что ли? Расскажи, что ты знаешь с того периода, как себя начал помнить.

– Ну, ты и вопросы задаешь, – сказал Василич, – прямо как следователь для проверки лояльности. Человек ты не наш, это точно, но и не из этих. Не знаю почему, но с тобой я что-то откровенный, как бы мне это боком потом не вышло. А хрен с ним, главное, что ты ко мне в душу не лезешь, с тестами всякими не пристаешь и не девка, чтобы всякой мурой мне голову морочить. Слушай, пока я в хорошем настроении. Мне сорок два года, родился я, значит, в 2008 году, а помнить себя начал лет с шести, а это значит года с 14-го. Жили мы районе ДК «Химик», был такой молодежный центр. Все было хорошо, пока в 30-м году не началась война за полярные владения.

России, как всегда, Бог отвалил самый огромный сектор от границ и до Северного полюса. А рот на нас разевали всегда и разевать будут, если по зубам как надо им не съездить. Напали на нас американцы, у остальных европейцев есть свои сектора, да и мы им камни в колеса не вставляли, а вот Америке Аляски мало и сектор у нее маленький. Хочешь воевать, так войой с Канадой или договаривайся с ней по-хорошему, а на чужой каравай рта не разевай. Шельф-то полностью наш, как продолжение российского материка, это и наукой доказано. Американцы думали, что они сделают «Бурю во льдах», мы, естественно, хэнде хох и они нас будут учить демократии.

Ну и начали они по льдам ракетами лупить. Сначала забрасывают везде датчики, которые на себя ракеты наводят, а наши эти датчики не трогают, только подбрасывают к ним свои, которые ракеты уводят в разные стороны. Медведей белых американцы поугали здорово, а толку никакого.

Городов у нас там больших нет. Зенитчики низколетящие ракеты «шилками» сбивают», мы их рогаточниками называли. На одной «шилке» две рогатки и два парня, которые камешками ракеты сбивают. Пустили на нас американцы свои «абрамсы». Танк как игрушка, всякую горючку жрет, в любой мороз заводится и не глохнет, чуть что, движок меняют за пару часов и снова в бой. У нас тоже такие танки были. Т-80, их еще летающими танками называли. На всех выставках как алмазы в глазах у руководства и иностранных гостей блистали, в нашем городе их делали, движок реактивный, многотопливный, скорость 80 км в час, движки морозоустойчивые, заводятся с полоборота, а вот смотри же, бывшие генералы-танкисты за то, что конкуренты разрешили их именем лопатку на броне назвать, а следовательно, и денюжку за это получать, доказали нашим руководителям, что Т-80 вообще машина вредная и опасная. Ну, наши его под нож и пустили. Осталось десятка полтора, так вот эти полтора десятка и встали перед «абрамсами» как стена.

Наши лупят – «абрамсы» горят, «абрамсы» лупят – и взрывы есть, а «восьмидесятки» не горят. Пару раз нам пришлось врукопашную схватиться с американскими разведгруппами, которые маячки ставили. Прямо скажу, не вояки они. Киношная показуха это, а не реальный бой.

А потом у американцев закончилась туалетная бумага и они ввиду катастрофического положения армии отошли. Стали с нашими договариваться, что, мол, давайте на вашем шельфе вместе работать. Наши и говорят, а мы завсегда пожалуйста и повоевать, и поработать. Во, смотри, медаль получил «За оборону российского Заполярья». Говорят, в прошлую большую войну была такая же, но «За оборону советского Заполярья». Советов нет, а Россия осталась.

Вся Россия и Америка издали смотрели на эту войну, как на кино, ставки делали на то, кто победит. А никто и не выиграл по ставкам, потому что никто не победил. Подписали перемирие и все ставки кто-то себе в карман и ссыпал.

Ты чай или кофе будешь? В принципе, одна и та же бурда, только привкус разный.

Глава 5

– Ну, так слушай дальше, – продолжил Василич. – Бурили они этот шельф, бурили, а толку никакого. Говорят, что есть богатства несметные, а на поверхность ничего не вырывается. Вот, сам подумай. Солярка на морозе замерзает, а нефть вообще должна превратиться в такую же породу как уголь. Газ тоже замерзает на морозе. Так это же не те нефть и газ, которые добываются в сибирской тайге, намного южнее полюса или на Востоке, где постоянно стоит жара.

Покопались, покопались, а толку никакого. Даже угля не нашли, хотя ученые говорят, что там как в холодильнике все готовенькое лежит, нужно только уметь дверцу от этого холодильника найти. Ох, и мудрят эти ученые, головы всем затуманивают, а тут потепление всемирное пошло, и мы оказались в зоне вероятного всемирного потопы. Что тут делать? Паника, конечно, поднялась, все стали бегать и места возвышенные выискивать, кто-то предлагал настроить тысячи ковчегов и ждать потопы около ковчегов.

Кто-то в религию ударился, а кто и горькую запил, мол, все равно капут. И не только у нас это было. По всему миру так. Только у одних плодородные палестины превращались в голую пустыню и фиговые пальмы им всем фигу показали. У других моря и озера из берегов вышли, и население начали с обжитых территорий сгонять.

Как бы на попа земля встала. Где люди жрали в три горла за всех голодных в мире, так там голодать стали. Там, где засухи были, появилась вода, и начали разрастаться оазисы. Даже наша Сибирь переместилась в зону сухих тропиков и у нас стали бананы произрастать. Один банан хорошо, два тоже, три – уже противно. А когда постоянно сидишь на бананах? Сдохнуть от тоски можно или жиром заплывть от углеводов всяких. Лето больше девяти месяцев. Два урожая снимать можно, а тут на тебе надвигающееся наводнение и жесткое ультрафиолетовое излучение из космоса.

Ультрафиолет полезен для синтеза растений, для человека полезен только в малых дозах. Не удивляйся, и я ботанику в школе изучал. Вот тут и появился местный пророк. Он пришел и сказал:

– Мы должны построить огромную башню в пятьсот этажей вверх и триста этажей вниз. Строить будем из монолитного бетона, никакое цунами и никакой потоп не возьмет нас. Размер башни – по периметру всего города. Где средства возьмем? Где угодно. Речь идет о нашем выживании, а не о том, у кого и сколько денег есть.

И начали строить. Была огромная народная стройка. Все деревни и пригородные поселки опустели. Все побежали в город. Одна половина строила стену-колодец вверх, вторая – вниз. Реки поймали в бетонные трубы, метро стало одним из средств передвижения. Автомобили выбросили, все перевели на электричество. Нашему примеру последовали другие области. Сейчас в России есть восемьдесят пять башен-городов. Такие же башни разбросаны и по всему миру. Если хочешь, называй башню муравейником, я бы назвал это ульем. С детства помню, что в ульях жили пчелы и давали нам мед.

Так и мы живем как пчелы по законам улья. Главная у нас царица-матка и малые царицы-матки во всех родах, около них самцы-трутни. Трутни они и есть трутни. Жужжат да самок оплодотворяют. Свое дело сделают и их гонят, на более низший уровень. А низший уровень это мы, рабочий люд, которые все делают и всем обеспечивают. Есть еще и средний класс, который песни складывает, лекции приходит читать, теории разные разрабатывает, является специалистом по механизмам и инструментам, руководителем участка, сектора, направления. Вот так и живем.

Василич замолчал, что-то думая или отдыхая от такой большой речи, которую он за свою жизнь, вероятно, первый раз и произнес, почувствовав себя начальником, которому в обучение дали пацана.

– Василич, – прервал я его размышления, – а кто такие дикари?

– Дикари, – мой наставник даже задумался, – дикари это и есть дикари. Все нормальные жители области укрылись в городе, а они не захотели и живут вне города как самые настоящие дикари, погибая от ультрафиолета и от голода. Иногда через контрабандистов покупают у нас что-нибудь из техники. Что нам продают, не знаю. Знаю, что они дикари.

– А потоп был или нет? – не унимался я.

– Пока не было, но, говорят, скоро начнется. Да если даже и не будет потопы, так разве нам плохо живется? Ветер не дует, мусор всякий не несет, вентиляторы у нас воздух гоняют. Грязи нет, все в дело идет. Окно надо? Во, смотри, – Василич нажал на какую-то кнопку, и на стене засветилось окно, – хочешь – утро, хочешь – вечер, соскучился по дождю – во, и капельки по окну побежали. Хочешь позагорать – идешь в солярий и как негр. Что человеку надо? А ничего. Я вот думаю, куда мне тебя пристроить, у тебя документ-то есть какой-нибудь?

– Нет, Василич, – сказал я, – пустые карманы, все обшарил, а вот были ли они у меня, совсем не помню.

– Не бойсь, что-нибудь сделаем, – сказал мой учитель, – а сейчас ложись спать, утро вечера мудренее.

Вот и жизнь новая. Город – каменный каземат, все довольны, многоуровневая жизнь, иерархия, улей, кто его знает, что там на улице сейчас, ночь или день, зима или лето... Уходил я летом и утром, а сколько времени прошло, даже и не знаю. Совершенно нет никакого чувства времени. Может организованно свет гасят ночью?

Главное, что мои документы и кольцо в городе. Дикарям его продавать не будут. Когда посмотрят на мои документы, то глаза вылезут, год рождения-то мой о-го-го какой. Вряд ли кто понесет мои документы пчелам-сторожам, фу, то есть в милицию. Понесут пахану. Пахан не дурак, живет где-нибудь на верхнем уровне, может, начальник или депутат, или помощник тех и других, но скоро меня начнут разыскивать. С такими артефактами, как я, никто еще не сталкивался. Ко всему неведомому проявляют интерес спецслужбы и организованная преступность, и неизвестно, кому предпочтительнее сдать, чтобы избежать еще больших неприятностей, или не сдаваться никому, ассимилироваться и потеряться в толпе жителей ковчега.

Размышляя о своей судьбе, я незаметно для себя уснул и приснился мне удивительный сон. В городе-бочке из бетона я нашел самого себя. Было мне сто лет, но я был еще бодрый старичок.

– А-а-а, пришел голубчик, – сказал я сам себе, – давай, проходи, не стесняйся, присаживайся вот на этот стул, а я чего-нибудь для угощения приготовлю. Ты гость дорогой, долгожданный.

– Не суетись, – сказал я, – откуда ты знаешь, что я должен придти?

– Я же тоже был в таком положении, как и ты, – сказал «я», – я нашел свое кольцо, вернулся в свое время и снова дожид до того времени, в котором я уже побывал. И я знаю, что так будет продолжаться всегда: ты или я будем попадать в это время, терять кольцо, находить, приходить к себе в гости, возвращаться, доживать до этого времени, чтобы принять себя у себя в гостях. Получается кольцо, которое неизвестно от чего получилось и неизвестно, как его можно разомкнуть. Я уже стар, чтобы что-то сделать, но тебе придется совершить путешествие в глубокое прошлое и смотреть, почему замкнулась временная петля. Причем она замкнулось на ком-то из нас или на предыдущих владельцах кольца. Кто-то существует в прошлом, точно так же, как и я существую в будущем. По идее, мы с тобой не должны

встречаться, потому что в разном времени мы с тобой даже не знакомы, но раз мы встретились, то нам нужно разорвать ту цепь событий, которая и привела к этой встрече.

– Хорошо, я отправлюсь в прошлое, – сказал я, – но как мне найти кольцо? Ты должен помочь мне.

– Я знаю, где находится кольцо, – ответил старый я, – но если ты будешь охотиться за кольцом, то кольцо будет ускользать от тебя. Пусть кольцо охотится за тобой, а ты уже сам решишь, когда тебе следует быть в распоряжении кольца. Не делай резких движений, чтобы не вспугнуть кольцо.

Глава 6

Я проснулся от звука зуммера.

– Вставай, засоня, – тормошил меня Василич, – на новом месте приснишь жених невесте. Кого видел там? Ничего, мы тебе найдем девушку красивую, добрую и беременную. Умывайся, позавтракаем и подойдем на работу.

На завтрак было то же, что и на ужин. Мне эта еда из будущего уже начала приедаться.

Мы вышли на пустынный коридор. Сказать «в коридор» тоже неправильно, потому что это улица. Вот и получилось «на коридор». Назвать это улицей язык не поворачивается, потому что над нами неизвестно какое количество уровней. Как в банке консервной. Воздух был достаточно свежий и слегка двигался, проветривая помещения.

– Василич, а мы на каком этаже? – спросил я.

– Высоко, где-то на двухсотом уровне, – ответил Василич.

– Вверху? – изумился я.

– Внизу, – таким же будничным голосом отозвался мой спутник.

– А где люди, где все, ведь не двое же нас? – не отставал я от него.

– Конечно не двое, не торопись все узнавать, потом тебе станет скучно, если ты обо всем узнаешь в первый же день, – терпеливо разъяснял мне Василич. – Под каждым жилым уровнем есть технический уровень, который обеспечивает функционирование населенных уровней. Им нужно подавать воздух, воду холодную и горячую, собирать отходы от их повседневной деятельности и переправлять их на переработку. Без нас они загадят себя через пару дней. Уже давно сделаны приспособления для очистки канализационных труб, но это устройство само в трубы не залазит, не собирает и не разбирает коллекторы. Без нас, технических работников, остановится вся жизнь, а нас почему-то считают самой низшей кастой. Пусть те, кто носит смокинги и бриллианты, сами копаются в дерьме, чистят свои мохеровые унитазы, залезая рукой в «шею лебедя», чтобы вытащить оттуда женские прокладки или еще какую-то гадость, для которых устанавливаются мусоросборники. Как представишь холеную морду, которая пыжится от запора на золотом унитазе, так и хочется врезать ей за то, что у нас никогда не бывает запоров, и что мы вынуждены подтирать его задницу.

Василич набирал обороты, и я понимал, почему возможны революции даже в том обществе, которое стало намного богаче того, которое было в 1917 году. Только при действительном равенстве людей и отсутствии огромной пропасти между доходами бедных и богатых, возможно избежать любых революций. Если и случится какой-то бунт, а он может случиться, потому что люди не такое безропотное стадо как постсоветское общество, то этот бунт будет бессмысленный и беспощадный и от жадности власть и деньгопредержащих произойдут такие беды, о которых они даже не догадываются. Древние всегда говорили, что нужно делиться с неимущими, и жили без бунтов и революций, пока людей не обуял ген жадности. Он даже просил дать ему таблеток от жадности как можно больше, чтобы другим не досталось. Прошло почти пятьдесят лет, а не изменилось совершенно ничего. Разве что народ стал раздраженнее и менее послушный, чем в мое время.

Каждый властитель слышал о «Капитале», который написал основоположник марксизма Карл Маркс. Но ведь Маркс в этом труде не призывал к революции, а давал советы, как избежать революционных ситуаций и революций. Но все читали в «Капитале» только то, что соответствовало их личным интересам, и никто не брал в расчет идеи Маркса и его друга Энгельса, кстати, капиталиста. Вот тогда Маркс и Энгельс сочинили свой Манифест коммунистической партии, который показал, что неуважение к уму всегда приносит неудобства шее и через нее голове.

Внезапно для меня мы остановились. Василич нажал кнопку, и открылась дверь. Хочу заметить, что все встречавшиеся мне двери были гильотинного типа, которые закрывались не под силой тяжести, а при помощи каких-то механизмов, но в основе их лежало изобретение француза Гильотена. Этого изобретателя смело можно сравнить с Эйнштейном, потому что гильотинный принцип применяется повсюду в промышленности, в быту, в медицине и прочее и прочее. Эйнштейн не пал жертвой теории относительности, и Гильотен избежал своего изобретения, но его родственники сменили фамилию, а родственники Эйнштейна горды тем, что они Эйнштейны.

– Входи, – и Василич подтолкнул меня в открытый проем. – Вот, Павел Иванович, ученика своего привел. Кто-то его по голове стукнул и документы забрал. А парень кроме документов и память свою потерял.

Павел Иванович, мастер, был в точно такой же синей рабочей форме, как и мой проводник, только у него был белый воротничок и белый клапан на нагрудном кармане с написанной фамилией и именем. Я взглянул на рабочую форму Василича – у него клапан над карманом был такой же синий, как и форма, а фамилия и имя были написаны черной краской. Ну, прямо как персонал на подводной лодке.

– Иди сюда, – Павел Иванович поманил меня к себе пальцем. Я подошел. – Приложи палец сюда, – и он указал на устройство, похожее на сенсорное окно ноутбука. Я приложил палец, под ним пробежала светящаяся сканирующая полоска. – Жди. – Через какое-то время он сказал, – а тебя, парень, в базе данных нет. Нет тебя. Ты кто такой?

– Не знаю, – ответил я.

– Что мне с тобой делать, – стал раздумывать мастер, – у нас таких как ты, вагон и маленькая тележка. Гастарбайтер ты. Ферштеен?

Я недоуменно пожал плечами.

– Вот смотри на него, Василич, на нас похож и по-нашенски говорит, а сам чурка с глазами, – сказал Павел Иванович. – Прокормить-то мы тебя прокормим, а вот с документами дело плохо и платить мы тебе не сможем, потому что бухгалтерия повсюду, но вот кормильца тебе определить можем. Поставим его на сдельную выработку и он, как активный работник, будет получать больше и часть заработанного отдавать тебе. То есть тебе он отдавать ничего не будет, денег у нас и в помине нет, но с помощью своей карточки будет оплачивать то, что тебе нужно. Ферштеен?

Я как дурачок кивал головой. Практически я отдавал себя в рабство Василичу. Бесправная скотина, которая может работать, и кормилец будет давать мне приварок на заработанное. А если «кормилец» окажется сволочью? Не жизнь, а хуже рабства будет. Я-то ферштеен, но вот как появится возможность, так я не посмотрю на твой белый воротничок и врежу от всей души, но со всей пролетарской ненавистью. А от чего это идет? Городской закон о мигрантах разделяет на людей и на нелюдей.

Это и раньше было так. Любой город возьми, любую страну. Проповедуют о демократии и свободе людей на место проживания и работы, а как коснись, так все это оказывается пустыми словами, потому что все боятся, что на сладкие и богатые места приедет огромное количество людей. А так оно и будет, потому что двадцать процентов людей потребляют восемьдесят процентов того, что создано во всем мире, а восемьдесят процентов остальных людей пользуются оставшимися двадцатью процентами. Несправедливость налицо. Ликвидируй эту несправедливость и не будет такого перекоса в миграции. Не будут негры сопلي на полюсе морозить. Да и Василич с сегодняшнего дня приобрел себе работника, которому по марксовой теории нечего терять, кроме своих цепей и который является могильщиком капиталистов. Вроде бы ничего еще и не произошло, а люди уже стали думать, как настоящие революционеры.

– Ты, как там тебя, – мастер показал на меня пальцем, – ты чего умеешь делать?

- Я стихи умею писать, – сказал я.
- Стихи, – удивился Павел Иванович, – а ну-ка, сбацай чего-нибудь.

*Каждый день начинается утром
На восходе большого нуля,
Мы с тобой одеваемся шустро
Как весной во дворе тополя.*

*Ежедневно с утра просыпаясь,
Нанизую свой нулик на гвоздь,
И в окно на простор вырываясь,
Отпускаю я жизнь «на авось».*

– Ты смотри, складно, а ну-ка, дай напишу себе на память, давай, диктуй, – сказал мне мастер.

Я продиктовал, а он записывал, то есть печатал на клавиатуре.

– Молоток, иди, работай, – и Павел Иванович уткнулся в экран монитора.

Мы вышли. Василич сказал:

– Так и знал, что ты человек не простой. Держи эту линию парень, вылезешь в композиторы и сразу элитой станешь, ценить тебя будут, орденами разными награждать и деньгами, потом меня, может, вспомнишь, – кормилец приобнял меня за плечи, и мы вышли из кабинета мастера.

Глава 7

Работу Василича можно назвать непыльной, хотя пыли там предостаточно. На его участке мы очищали и поддерживали в рабочем состоянии вентиляционные и канализационные установки. Нанюхаешься дерьма в трубах и идешь отдыхаться к вентиляции. Представь, если в одной трубе будет затычка, то это самое дерьмо может подняться на самый верх и выплеснуться кому-то в золотой унитаз. Вот хохма будет.

Вчера, когда мы шли по пустынному участку вдруг раздались оглушительные квакающие звуки, типа «бля!», «бля!», «бля!». Василич сразу схватил меня за рукав куртки и втолкнул в открытую им дверь подсобки, шепнув:

– Яицилимы, прячься!

Мимо с воем и кваканьем промчались три синих электромобиля с желтыми полосами поперек автомобилей.

– Теперь жди мигалочников, – шепнул Василич и, действительно, мимо нас промчалась кавалькада шикарных электромобилей с мигалками и с басовитыми сигналами, типа «гав!», «гав!», «гав!».

– Погоди, это еще не все, – предупредил Василич, и из-за поворота выехала кавалькада шикарных электромобилей с мигалками, правда сигналы у них были какие-то визгливые, типа «тяв!», «тяв!», «тяв!».

– А это кто? – спросил я.

– Кто-кто, – пробурчал мой кормилец, – мигалкины дети.

– Они, что тоже служат? – спросил я.

– Эти не служат, эти время прожигают. Те, которые служат, тоже должности большие имеют, но до мигалок еще не дослужились. Сам же знаешь, как раньше говорили: сын генерала солдатом не будет. Так и тут, – учил меня Василич.

– А кто у них главный мигалочник? – спросил я.

– Фамилия у него больно заковыристая, что-то на бульдозер похоже, – поморщив лоб, сказал Василич.

– А что, у мигалочников такая большая зарплата, что их дети могут свободно приобретать дорогие автомобили? – поинтересовался я.

– Зарплата-то у них считается невысокой, вроде бы даже какой-то контроль завели, чтобы у самого большого начальника зарплата была не больше, чем в три или в четыре раза больше моей, – объяснял мой учитель, – но вот я прикидываю по своей зарплате, которой хватает на то, чтобы не протянуть ноги, что если ее умножить на четыре, то ее хватит не только на то, чтобы питаться нормально и еще мороженое иногда покупать. И ведь не только у меня одного мысли такие, а откуда они деньги берут, чтобы мигалкиным детям машины и квартиры покупать, на отдых их отправлять на курортные этажи, квартиры себе строить на три-четыре уровня с садами и бассейнами? Может, им с должностями вместе рубль неразменный дают, сколько ни плати, а деньги все время целые? А ведь еще Ломоносов говорил, что если у тебя что-то прибыло, то, значит, оно откуда-то убыло. Так вот и получается, что чем шикарнее у них квартиры, тем хуже мы питаемся и тем меньше у нас денег, чтобы как-то подумывать о воспроизводстве своей рабочей силы.

– Василич, ты прямо как Маркс заговорил, – улыбнулся я.

– Тут не как Маркс, петухом запоешь, когда у тебя в кармане вошь на аркане, – скаламбурил главный по воздуху и канализации. – Если тебе это так интересно, то познакомлю я тебя с одним человеком. Он там, в верхушке был, а когда увидел, что у них творится, то хлопнул дверью и ушел. Сейчас пишет книги и стихи, которые никто не печатает и не читает. Можно на свои деньги напечатать, так ведь денег нет, а как в типографии узнают, кто этот

писатель, то отмахиваются от него как от прокаженного. Да он и не с каждым говорить-то будет. А с тобой будет. Хочешь, познакомлю?

– Познакомь, – согласился я.

На рабочем лифте мы поднялись на третий этаж со знаком плюс, то есть третий этаж над уровнем земли. Как в космос прилетели.

На выходе из лифта была широкая улица с мчащимися электромобилями, поддорожными переходами, воротами в парки и скверы (только они какие-то маленькие, как в музее и земли не видно, только в кадках для деревьев и кустарников).

Вдоль дорог узкие тротуары. На бетонных стенах висела реклама, были видны названия улиц, например, Северная 10/3, это значит, что это улица десятая Северная на третьем уровне или проспект Мира/3, что обозначает проспект Мира на третьем уровне. Получается, что на улице Лесной/3 дом 2 жил мастер водоканализации, а на улице Лесной/450 дом 2 жил какой-нибудь высокопоставленный чиновник, которому было совершенно наплевать, кто живет там внизу под ним.

Идешь вдоль стены и смотришь на номера, по левой стороне четные, по правой стороне нечетные, доходишь до нужного номера, нажимаешь кнопку, а тебя как из домофона спрашивают: «кто там?». Не так ответил, хозяин не откроет, и разговаривать не будут.

Василич остановился у одного номера, нажал на кнопку и на вопрос «кто там?» ответил:

– Василич, это я, тезка твой с другом.

Через какое-то время что-то щелкнуло, и гильотинная дверь открылась.

Мы вошли, и дверь за нами захлопнулась. Мы были в обыкновенной квартире из моего времени. Судя по всему, трехкомнатная квартирка. Прямо от входа кухня, справа ванная комната, туалет. Влево маленький коридорчик, ведущий в маленькую залу. Справа вход в отдельную комнату. Могу поспорить, что из залы есть выход в смежную комнату «трамвайчиком». Раз все находится в одной башне, то в «трамвайчике» нет сквозняков из щелей между панелями и зимой не нужно надевать валенки, чтобы не мерзли ноги.

Глава 8

Нас встретил стройный мужчина лет пятидесяти, с окладистой бородой и насмешливыми глазами.

– Ну, проходи, тезка, – сказал он, – присаживайся, а как друга твоего зовут?

– А он сам не знает, и мы не знаем, так никак и не зовем, рукой махнем – идет, – сказал Василич.

– Неправильно это, – сказал хозяин квартиры, – каждый человек должен имя иметь и фамилию или номер какой-нибудь идентификационный. Как его на работу возьмут?

– Взяли как дикаря, без оформления, – сообщил мой работодатель. – Он хоть и ничего не помнит, но не из простых, стихи сочиняет, а отпечатков пальцев в базе нет.

– Значит, стихи сочиняешь? – спросил хозяин. – Прочитай-ка что-нибудь лирическое.

– Ладно, – сказал я и прочитал из давно написанного:

*Я не плачу о жизни прошедшей,
Не виню в своих бедах других,
Может, я человек сумасшедший
И живу в намереньях благих.*

*Или просто в другом измеренье
Жизнь идет полноводной рекой,
Словно жизни моей повторенье
Дубликат мой мне машет рукой.*

*Я не знаю, где я настоящий,
Грубиян или ласковый зверь,
Обожжаю я дождь моросящий
И тебя, что открыла мне дверь.*

– Толково, – хозяин квартиры встал и обошел вокруг меня, внимательно рассматривая. – Василич, он тебе сегодня сильно нужен? Если нет, то оставь его мне, мне нужно с ним поговорить.

– Ты, тезка, человек знающий, – сказал мой напарник, – я и без него поработать могу, работал же. Если что, то знаешь, как меня найти. Приду и заберу его. Так что, пошел я.

Мы остались одни с хозяином квартиры, который был значительно старше меня, но назвать его старым было нельзя. У нас такими были офицеры запаса. Подтянутые. Немного словные. Говорят точно. Делают то, о чем говорят. К людям относятся с пониманием, знают, какой бесправный человек в армии, пусть хоть гражданские люди своего человеческого достоинства не теряют. В комнате не пахло табачным дымом, значит, хозяин не курил. В комнате прибрано, чистенько и женская рука чувствуется. Вероятно, хозяйка куда-то вышла.

– Садись, рассказывай, – сказал хозяин, – как ты сюда попал и что здесь делаешь?

– Как попал? – переспросил я. – Очень просто, Василич привел.

– Молодой человек, давайте не будем тупить, – сказал хозяин квартиры, – вы прекрасно понимаете, о чем я спрашиваю. Вы человек не этого времени, вы знаете старинную поэзию, и я даже знаю, кто ее написал. Я хочу вам помочь и должен кое-что уточнить о вас.

– Что же вы хотите уточнить обо мне, если я сам о себе ничего не знаю, – ответил я.

– И снова вы мне говорите неправду, потому что вы уже были у меня, – сказал тезка Василича. – Не удивляйтесь, вы этого не помните, и Василич не помнит, но я помню вас, и вы мне прочитали именно это произведение. Я знаю, что на вас напали, ударили по голове, украли паспорт и сняли с руки кольцо. Меня удивляет, почему вы вернулись вновь? Вы что-то забыли у нас?

Человек говорил все то, что со мной произошло. Почему же я не помню, что уже был здесь? Может быть, мой сон и был той явью пребывания здесь, и я ее просто не помню?

– Если вы знаете все, то вы, вероятно, и знаете то, чем мы будем заниматься? – спросил я.

– Конечно, знаю, – улыбнулся хозяин, – мы пойдем на встречу с вами. Но это не сейчас, это будет завтра, а сейчас вы спросите меня, я занимаюсь.

Я улыбнулся. Похоже, что мне здесь ничего не надо делать, мне все расскажут.

– Я хорошо понимаю вашу улыбку и знаю, что вы меня спросите, – сказал хозяин. – В прошлый раз вы не делали никаких пометок по ходу нашего разговора. Поэтому у вас не осталось никаких ассоциаций о нашей прошлой встрече. На столе бумага, карандаш. Они включают для вас механическую и ассоциативную память и, если вы придете в третий раз, то у вас что-то останется в памяти. Вы спросили, чем я занимаюсь, а я вам рассказывал, какую книгу я пишу. И что самое интересное? Прошло несколько лет, а я все на том же месте в своей рукописи. Практически мы все возвращаемся в одно и то же время, смутно понимая, что все это уже было. Происходит какой-то временной парадокс, который остановил все. Но вы и прибыли затем, чтобы устранить анахронизм.

Честно говоря, об анахронизме я узнал только сейчас и еще тогда, во сне. Временной парадокс как-то не проявлялся в моем времени. Вероятно, мы с дядей просто растягивали лепесток временной петли, не доходя до ее критической точки, а мое желание побывать в будущем затянуло временную петлю. Кому-то срочно нужно возвращаться в мое время, либо мне, либо моему дяде. Но он возвратиться не может, потому что в моем времени его уже нет. Нужно срочно возвращаться мне. Вот и получается, что временные слои существуют параллельно, но все равно как-то связаны между собой.

Не исключено, что виной всему адронный коллайдер. Перед самым моим отъездом его должны были запустить, чтобы разогнать элементарные частицы до такой скорости, с какой они двигались во время космической катастрофы, когда в результате невиданного взрыва образовалась наша земля. Для того, чтобы изучить процесс, не нужно взрывать всю землю. Возможно, они и ускорили таяние полярных льдов и создали угрозу всемирного потопы, чтобы проверить, так ли верно написано в Священном писании.

Как сказал бывший премьер-министр России: *«Кому это нужно? У кого руки чешутся? У кого чешутся – чешите в другом месте».*

– Извините, как мне к вам обращаться? – спросил я.

– Называйте меня Николай Иванович, – ответил хозяин.

– А как звали меня в прошлый приход? – спросил я.

– Вас тогда завали Владимир, – улыбнулся Николай Иванович.

Вот и познакомились.

– Николай Иванович, вы не могли бы мне рассказать вкратце, что произошло за последние пятьдесят лет, – попросил я.

– За пятьдесят лет, – задумчиво произнес хозяин, – за пятьдесят лет... трудный вопрос, хотя ответить на него очень легко. А ничего не произошло. Все, как было, так и осталось. И в мире, и в нашей стране. Разве что, все к потопу готовятся. Или война в Арктике, которая начиналась под фанфары, а закончилась полным пшиком. «Миротлюбивая» Америка полезла первой и получила по зубам.

Ума хватило не применить ядерное оружие. Знает, что наши подводные лодки у их берегов берегут мир во всем мире. Если бы не наш подводный флот, ядерной войны не избежать. У американцев уже не получается жрать в три горла, приходится урезать свои потребности, потому что Россия стала не менее могущественной державой с огромным золотым и валютным запасом.

Как всегда, золото и валюта нам «не в коня корм», проедаем, но промышленность не развиваем, все время ходим по лезвию бритвы, опасаясь свергнуться в пучину социализма и массовых репрессий или демократии с рыночной экономикой.

Все так же шумят о построении правового государства и передают власть по эстафете: президент – премьер – президент – премьер... Сами себе преемников выбирают и меняются местами. Народу это все равно. Стараются выживать, прячась от яицилимов, дусов, арутару-корпов. Они все завязаны между собой и попавшийся к ним обречен на подвальные работы. Всем заправляет наркомафия и игорный бизнес. Борьба с коррупцией окончилась безоговорочной победой последней. От того, что компьютеры стали тоньше и что научились синтезировать пищу, лучше жизнь не сделали.

– Вы, говорят, там на самом верху работали, чего же такое случилось, что на третий этаж опять переехали? – спросил я.

– Как вам сказать, молодой человек, – сказал Николай Иванович, – не стал поперек совести идти.

Глава 9

– Неужели и в 2050 году вопросы совести могут заставить человека уйти в отставку? – удивился я.

– Совесть в большей степени присуща тому человеку, который имеет какую-то материальную независимость и может выбирать себе дело по способности, – сказал хозяин. – А если служба является единственным источником материальных благ, то совесть прячут в карман и дают ей выход только на кухне, и то в присутствии на сто раз проверенных друзей. Другие сразу побегут докладывать руководству о нигилизме своего товарища, чтобы получить плюсики к чему-то эфемерному, которое повлияет, скорее всего, отрицательно, на его карьеру, но зато увеличит чувство собственной значимости доносчика. О совести писали в основном те писатели, которым было куда-то приткнуться. Знаете, я сейчас приготовлю нам что-нибудь поесть, а вы почитайте начало моей рукописи, – и он протянул мне стопку листов бумаги.

На первом листе было написано заглавие – «История одного города» (продолжение 2050 года). Вряд ли кто уже помнил, что в девятнадцатом веке Салтыков-Щедрин написал такую книгу, но таких вариантов градоначальничества у него не было, поэтому рукопись эту смело можно назвать продолжением той великой книги. Были начальники и брудастые, и органчики, и медведь на воеводство приезжал, но вот пришло время, когда горожане стали сами выбирать себе градоначальников, придирчиво рассматривая каждую выставленную им напоказ кандидатуру.

И как будто в наперстки на базаре горожане играли: кого ни выберут, все не того выбрали. Видимо, цыган их стаканчиками запутал. Если не цыган, то сами кандидаты головы им задуривали так, что в трезвом уме они никогда бы не проголосовали за этого градоначальствующего. А вот как толпой идут на участок, так сразу срабатывает стадное чувство, за кого скажут, за того и голосуют. И вот так каждые четыре года мучаются, выбирают, спорят, голосуют, потом плюются. Наконец, выбрали того, кого хотели выбрать. Тот сразу откровенился от всего того, что было при прежних градоначальниках, и сказал, что писать все будем с чистого листа. И лист показал, чистый, правда, с обратной стороны какие-то каракули были написаны, но это чепуха, издавна все равно не видно, чистый лист или нет.

Начал он с того, что создал бабский триумвират. Описать их трудно, поэтому и различали их по прическам: спаниелька, терьерка и болонка. И характеры под стать прическам и породам. Где он их откопал, неизвестно, но, говорят, таскал их за собой или имел в виду. И поручил он им административную реформу проводить. Ну, бабы как с цепи сорвались. Сколько людей пострадало от укусов, облаиваний и охаиваний, учету точному не поддается, зато аппарат создали, который и тявкнуть лишний раз боялся.

Одним махом реализовали трактат Козьмы Пруtkова «О введении единомыслия в России» в условиях отдельно взятого города. Все стали в одну дудку дудеть и градоначальника славить. Всем жителям вышла полная свобода слова по принципу – если хочешь со мной разговаривать, то стой и молчи. Зато каждый горожанин получил право прилюдно критиковать все действия градоначальника, но только другого города.

Бабский триумвират недолго просуществовал. Перекусались между собой и разошлись. Одну, сильно покусанную, которая раньше отличалась дурным нравом, и сама кусалась, оправили на более легкую работу – сторожить собственную дачу. Другую взяли к себе сильно влиятельные люди, и стала она на министерских диванах сидеть и даже отдельный извозчик ее погулять вывозит. Зато спаниелька была на коне.

Жизнь в городе при новом градоначальнике закипела. Первым делом взялись за дороги – извечный бич российский. Вторым бичом были дураки – за них взялись по-особенному.

Дураки это те, кто коммерцией решил заняться. Вот на них и отыгрались по полной. Первым делом всех откупщиков и негоциантов заставили дороги и тротуары на выделенном участке мостить, а затем каждый день с метлой и совочком убирать этот участок, как свой, но пользоваться этим участком в интересах коммерции, было строжайше запрещено. Мести можно – работать нельзя. То разрешают людям лавки открывать, то запрещают.

Стали деловые люди репу чесать, а делать нечего, Россия. Тут всегда прав тот, у кого больше прав. Обложили всех духов, то есть коммерсантов, обременениями и стали с них штрафы драть, как с сидоровых коз, потому как с каждого чиновника стали спрашивать: а сколько денег ты в казну городскую принес, не являешься ли ты дармоедом? Стали чиновники штрафы увеличивать и любым способом деньгу из горожан выжимать, чтобы казна городская наполнилась, и чтобы люди от этого жили еще лучше, чем прежде.

Тут по городу решил проехаться в коляске генерал-губернатор. Видит, что люди все плачут, а околоточные надзиратели всю власть себе взяли. Издал он указ, что штрафы с населения может взимать только губернская власть, так как власть муниципальная уж больно круто за дело взялась. А губернским властям штрафы совершенно без надобности. Вот и получилось, что городские власти на коммерсантов составляют миллионы протоколов, чтобы работу свою показать, а толку от этого нет, потому что окрик без удара палкой даже лошадь с места не сдвинет, а все потому, что палкой начали махать сильно.

Смерть чиновника

Градоначальник каждую неделю собирал городских начальников за круглым столом, как король Артур своих рыцарей, и слушал их, как они отчитываются о проделанной работе. А тут спаниелька увеличила число городских начальников на одного человека, и сразу за столом стало тесно. Все старались удержаться за столом, цеплялись за него и все эти собрания превратились в невидимую борьбу за место за столом. Наконец, у одного чиновника соскользнула рука, и его выдавили из-за стола более шустрые коллеги. Как ни пытался чиновник со своим стулом протиснуться к столу, ничего у него не получалось. И так, и эдак, а никто не пускает. А тут и градоначальник посмотрел на него и улыбнулся. Пришел чиновник домой, встал у зеркала и стал копировать улыбку, которой ему городничий улыбнулся. И так улыбался, и так улыбался, а все получалось, что начальник-то криво улыбнулся. Не к добру это. Тогда лег чиновник на кровать и умер.

Городская дума

Городская дума тоже избирается гражданами из тех людей, которые предложили свои услуги, чтобы за горожан думы городские думать и граждан по этому поводу не тревожить. Горожанам только этого и надо. Вот они идут на участок и избирают своего думальца. Выбирать его нужно умело, потому что на одно место по несколько кандидатов, которые считают, что и они думать могут. Избрали они думу, а в председатели им дали чиновника от градоначальника, которого тоже избирали, для чего он даже с работы чиновничьей ушел. Избрали их, они себе председателя избрали и стали думать о том, о чем они будут думать в первую очередь. А тут приходит спаниелька и говорит: не мучайтесь, будете думать о том, о чем вам градоначальник скажет. Подумали думальцы и согласились: они бюджет утверждают, а из бюджета их градоначальник и кормит. Кормить не будет, и сил для утверждения бюджета

не хватит. А если не утвердить бюджет, то их никто и кормить не будет. Так зачем кусать руку, которая их кормит?

Глава 10

– Что скажете? – спросил писатель, возвратившись из кухни с маленьким подносом, на котором стояли два стакана чая и с чем-то серым, что можно было назвать бутербродами, учитывая запах копченой колбасы, исходящих от них.

– Неужели это ваш сегодняшний день, – удивился я, – у нас было примерно такое же. Да и не только было, но еще и есть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.